

5798

ХРАМЪ СЛАВЫ РОССІЙСКИХЪ ИРОЕВЪ.

1851 г.
М

ХРАМЪ СЛАВЫ
РОССІЙСКИХЪ
И Р О Е В Ъ,

ОТЪ

ВРЕМЕНЬ ГОСТОМЫСЛА

ДО

ЦАРСТВОВАНІЯ РОМАНОВЫХЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
при Императорской Академіи Наукъ, 1803 года.

Е Г О

И М П Е Р А Т О Р С К О М У

В Е Л И Ч Е С Т В У,

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ!

И М П Е Р А Т О Р У,

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ,

САМОДЕРЖЦУ

В С Е Я Р О С С І И.

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Къ ТВОИМЪ столамъ, праравнухъ Великаго ПЕТРА, внукъ Мудрый ЕКАТЕРИНЫ, къ ТВОИМЪ столамъ, Монархъ и Отецъ доблестивнаго народа, повергаю трудъ сей, во славу отечества натапый. Благоволи принять оный не по изяществу слога, но по важности предмета. Се жертва тистая души, къ ТЕБѢ приверженной, жертва токмо ТЕБѢ, Повелитель ползѣтъ! принадлежащая, яко потомку тѣхъ достохвалныхъ Скиптродержцевъ, о коихъ возвѣстилъ я здѣсь; Они еще и по днесь сіяютъ изъ нѣдръ вѣчности добродѣтелию своими: — въ ТВОЕЙ благости, въ ТВОЕМЪ милосердіи, — въ любви къ истинѣ и просвѣщенію.

Храмъ Славы, украшенный безсмертнымъ именемъ АЛЕКСАНДРА I, пребудетъ негнблемъ, доколѣ продлится основаніе подсолнечной, ибо всесокрушающее Время, зря толь дражайшее многимъ народамъ имя, не дерзнетъ коснуться зданію сему; но соблюдетъ

его въ роды родовъ: сонмъ Россійскихъ приспомят-
ныхъ Ироевъ прославитъ ТЕБЯ въ вѣкахъ грядущихъ,
и само позднѣйшее потомство соллетитъ ТЕБѢ нести-
мые вѣнцы.

Удостой сіе приношеніе ТВОИМЪ благопромы-
шляющимъ о насъ взоромъ, Царь сердецъ! — Живо-
творящее вселенную солнце низводитъ блистательный
лучъ свой и на самую малую каплю росы. — ТВОЙ
взоръ ополтитъ духъ мой силою на прекожденіе
предпринятаго мною полрица и дастъ мнѣ новое
бытіе; я преживу время и повѣдаю сынамъ сыновъ
моихъ, сколь велико есть счастье быть

ТВОИМЪ!

АВГУСТѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Вѣрноподданныйшииъ

Павелъ Лавровъ.

ИЗЪЯСНЕНІЕ РИСУНКОВЪ,

Принадлежащихъ къ Храму Славы Россійскихъ Героевъ.

Первой рисунокъ представляетъ внѣшній притворъ Храма. Слава отдернувъ завесу ноши, знаменующую мракъ давнобытности, показываетъ Россію увѣчанную Кіевскими твердынями, и сѣдящую на трофеехъ съ лавровою вѣнкою въ десницѣ, яко добычею побѣдъ, о коихъ Слава трубитъ въ концы вселенныя. Вдали виденъ Царь-Градъ и врата онаго со щитою, носящимъ имя Слава, во свидѣтельство торжества Россійскаго Царства надъ Греческою Имперіею.

Второй рисунокъ представляетъ Славянина, держащаго лавровою вѣнцѣ, награду, спяжанную имъ за богатырскіе подвиги, и покоящагося, опершись на шаръ земли, украшенной именемъ Россіи; илемъ на главѣ его и мечъ при бедрѣ доказываютъ, что онъ во всякое время готовъ защищать отечество свое и всегда на стражѣ онаго.

ИЗЪЯСНЕНІЕ РИСУНКОВЪ,

Принадлежащихъ къ картинѣ Славянской Древности.

Первой рисунокъ изображаетъ Россію, увѣчанную Новгородскими башнями, сѣдящую на Руническихъ камняхъ, знаменующихъ ея глубокую древность и твердое основаніе: она держитъ въ одной рукѣ Московское, отечественное знамя, а въ другой знамена, Римское и Греческое, въ доказательство одержанныхъ ею побѣдъ надъ Римлянами и Греками въ прошедшіе вѣки. Близъ нее орелъ съ перуномъ, какъ бы готовый къ паренію, означаетъ быстроту, силу, неутомимость и превосходство пламеннаго, народного духа. Поверженный къ ногамъ Ея щитъ съ гербами: Сибирскимъ, Казанскимъ и Астраханскимъ, показываетъ при сильномъ Царствѣ, Россію подъ своею державою покоренныхъ; а скрижали съ *Русскою правдою*, прислоненныя къ колену сей Царицы Царствъ, знаменуютъ, что и въ самыя дре-

вѣи времена нравы Россіи образованы были законами, которые существовали въ Россіи до Рурика; ибо *Русская правда* суть законы старые, Ярославомъ возобновленные или дополненные.

Второй рисунокъ представляетъ Россійскаго Геркулеса, подающего двухъ змѣй въ колыбели своей (чего ради и гербъ Московской на ней изображенъ), — или въ лицѣ его Россію, во младенчествѣ бывшую; и тогда она преодолевала и покоряла себѣ нападавшихъ на нее иноплеменниковъ; а что и того ближе, Эмблема сія свидѣтельствуесть мужество Росса, копорой, удрученъ бывъ нѣкогда напастями, изнемогалъ подобно слабому младенцу, но при всемъ помѣ искоренилъ впрогшихся въ опечество его двухъ зѣйшихъ супоснаповъ: Ташаръ и Поляковъ.

Погрѣшности, вкравшіяся въ шипографіи, при напечатаніи сея книги, авторъ вынесъ на особомъ листѣ.

ХРАМЪ СЛАВЫ РОССІЙСКИХЪ ДѢЛЪ.

Благословляю васъ злачные брега крошкой *Индоманы* (*); вамъ обязанъ я пріятнѣйшими часами дней моихъ. Во глубинѣ густыхъ рощей, освѣняющихъ цвѣтистые холмы ваши, царствуетъ безмятежная тишина, кою-рой ни въ какое время не нарушалъ буйный гласъ развращенной праздности. Въ нѣдрахъ сего таинственнаго

(*) Рѣка текущая въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ.

убѣжища, гдѣ можешь быть отъзывалось когда нибудь единственно шомное воздыханіе робкой любви, важная задумчивость основала свое пребываніе и дерзновенная нога порока никогда слѣдовъ шуда не пролагала. Здѣсь, въ семь мирномъ признаніищѣ, оныъ суешь и коловращио-спи удаленномъ, я предавалась поучительнымъ размышленіямъ, коихъ виною было живое впечатлѣніе шѣхъ радостей и печалей, какія испытала душа моя на попріищѣ жизни. Мой умъ освобожденный оныъ оныхъ рабскихъ узъ, которыми спѣсняли его въ шумномъ многолюдствѣ заблужденіе и предрассудокъ, владычествующіе надъ свѣшомъ; мой умъ, подобно пернашымъ заботъ невѣдущимъ, лешѣлъ оныъ бренной земли къ небеснымъ кругамъ и возкрыленъ бывъ силою воображенія париль по безпредѣльному Царству мѣчанія: шо носился надъ мрачными вѣками давнобышности, шо созидаль чудесные мѣры тадашельнаго блаженства.

Тихая сѣнь уединенія моего! сколь мило сердцу моему и одно о тебѣ воспоминаніе! Углубясь въ сумракъ, подъ шемнозеленые швомъ своды, мнилъ я, будшо преходилъ въ новую жизнь. Хотя и не испытывалъ сего ужаснаго раздѣленія меня со мною, оной вѣчной съ самимъ собою разлуки, что мы называемъ смертію, но я былъ мершвъ для всѣхъ заразы превращаюга свѣша: наслаждался шокмо шѣмъ удовольствіемъ, какое приносишь намъ созерцаніе огромной картины шворенія и

собственнаго бытія нашего, неоправленнаго угрызёніями совѣсти. Смертныя! сердце ваше пучина страстей; оно кипитъ огнемъ желаній и часто влечетъ васъ къ бѣдамъ; но въ уединеніи укрощается и изъ огнедышащаго Вулкана премѣняется въ чистый, зеркаловидный водоемъ, являющей свѣтлое лице Небесъ. Человѣкъ уединясь входитъ въ святилище сердца своего и въ немъ изслѣдуя себя научается превосходнѣйшей изъ всѣхъ наукъ: — быть щастливымъ. Въ уединеніи пріобрѣтаешься шайнственна сила откровенія, которая, отдаляя человѣка отъ всего вещественнаго и смертнаго, сближаетъ его съ Творцомъ сей прекрасной вселенной, вразумляетъ его къ какому концу спремятся всѣ Начала, чудеснымъ Вышняго промысломъ управляемая: будучи всегда обильна высокими думами, точна въ соображеніи прошедшаго съ настоящимъ и предъидущимъ, провидяща сдѣленіе событий, сія Божественная сила откровенія, знаменуя безсмертіе души, ясно изображаетъ оное великое, неизъяснимое, но испытуемое существо, изъ коего произтекла; существо, которое вина всѣхъ причинъ.

Колико ни щипишься смертный, алчущій богатства изторгаешь многоцѣнные камни и металлы изъ утробы земной; какъ ни усиливается сражаешься съ стихіями и спясуая даже съ судьбою, для корысти, преплываешь моря, но всѣ сокровища, такъ сказать, жизни ему сплю-

ще, сравниться не могушь съ блаженствомъ, какинъ
 уединеніе надѣляетъ; въ немъ лучшее богатство, — миръ
 съ самимъ собою; въ немъ превосходнѣйшія утѣхи, —
 постепенное спяжаніе вездѣ сущаго добра, являющагося
 въ разнообразныхъ произведеніяхъ щедрой природы.
 Благодарю тебя, любезное убѣжище мое за наслажденія
 мною испытанныя. Подъ мшистымъ кровомъ твоимъ
 я вкушалъ покой. Утомленный прогулкою забывался
 въ объятіяхъ любви и невинности. Ахъ! какъ сладко
 засыпалъ я на мягкой муравѣ, покрытой душистымъ
 облакомъ цвѣтовъ сельныхъ: тогда и самый сонъ мой
 являлъ мнѣ прелѣсныя мечты. Причудливая снотолу-
 любцевъ нѣга! Матерь пороковъ! Твое, раздражающее
 оспраши, лоно ничто предъ симъ. Чашо перснн тебѣ
 предавшееся никогда не спитъ сладко; различными
 привидѣніями и грѣзами разврашъ тревожитъ его пресы-
 щенную довольствомъ душу; утомленный неумѣрен-
 ностію чувства ошѣяли силу жизни у его изнуренныхъ
 членовъ.

Въ одинъ ясной вечеръ, каковыми плодотворное
 лѣто украшаетъ землю, сѣдя подъ вѣтвями много-
 лѣтнихъ елей, нависшихъ надъ прозрачною рѣкою,
 я читалъ книгу бышійя. Вперивъ всю мысль въ произ-
 шествіи міра, въ дѣяніи людей, зрѣлъ начало возвы-
 шенія Царствъ и причины изденія ихъ, ужасные перево-
 рошны, гибель цѣлыхъ народовъ, ослабленіе сильныхъ

Монархій и шѣ роковые, часто шаловажные случаи, но отъ коихъ зависѣла судьба милліоновъ человѣкъ! Сіе бышописаніе представлялося очамъ моимъ какъ нѣкая узорчатая шкани; великіе мужи блистали шумъ подобно яркимъ цвѣтамъ среди густыхъ шѣней. Я видѣлъ то превознесенное состояніе Рима, въ которое Царя за честь вѣняли нарицаться его Гражданами, и напо слѣдокъ то низкое его состояніе, когда разнушныя невѣжды содѣлаались его владыками. Сколь много пролило человѣческой крови!! Колико тысячъ невинныхъ принесено въ жертву высокомерію, алчбѣ, буйству и суесвѣстству!! Сколько предразсудковъ и заблужденій вошло въ обычаи!! Сколько обычаевъ премѣнилось въ законы!! сколько законовъ несогласныхъ съ истинною! какихъ шрагедій не было на шеапрѣ свѣта? были и крестовые походы: ухищреніе ими повелѣвало, а безуміе повиновалось; изувѣрство снакнувшись съ корыстолюбіемъ сожигало и людей въ кострахъ. Были всякаго рода предательства и измѣны!! гремѣли Ватиканскіе перуны! Но, о!! ужасъ всѣхъ временъ!! просвѣщенные сыны Европы съ крестомъ и мечемъ вступаютъ въ четвертую страну міра и открываютъ шамъ новыя забавы!! Они шравятъ псами-человѣковъ и шому изъ сихъ люшыхъ живонныхъ даютъ отличное наименованіе, которое болѣе несчастныхъ погубило: они унишчатся шпраданіемъ непорочности и добродѣтели шомъ.

щихся въ разноизобрѣшенныхъ мукахъ. Какихъ пытокъ, какихъ жестокошей не вымышляло тамъ безчеловѣчье, слѣпымъ суевѣрjemъ подкрѣпленное, на изстребленіе беззащитныхъ дѣтей природы! Скажемъ не обинуясь, что книга бытія ничто иное какъ изображеніе всегда торжествовавшихъ золь: коварства, насилія, невѣжества; но по переменѣ, по вкупѣ терзавшихъ челоуѣчество, въ продолженіе всѣхъ вѣковъ.

Я видѣлъ Аристидѣ въ изгнаніи, Сократа въ пещицѣ, Фокіона въ оковахъ; видѣлъ правду и любовь къ отечеству на лобномъ мѣстѣ; но строгосудящее потомство благословляетъ ихъ и сооружаетъ имъ негнблемые памятники — въ сердцахъ мудрыхъ. Я видѣлъ Калигулу богочествуема жрецами, Нерона въ Діадимѣ, Геліогабала на тронѣ: щасливые чудовища сіи, позоръ челоуѣческаго рода, хотѣя и вынудили подданныхъ своихъ звѣрствомъ ихъ уштрашенныхъ, дабы воздавалося имъ поклоненіе богамъ принадлежащее, но что же по смерти? — поруганіе и кланье преслѣдуетъ гнусныя имена ихъ изъ рода въ родъ. Слѣпая богиня чшобъ увѣковѣчить неистовство своихъ нечестивыхъ любимцевъ хотѣя и нарицала ихъ великими, но Свѣтозарная истинна слернула съ нихъ блистательный покровъ и вмѣсто боговъ показала въ нихъ вѣкамъ грядущимъ — злодѣевъ.

Подобно мореплавателю, окинувшему взоромъ

пространство океана и съ волны на волну спрем-
 яющемуся на вѣхъ вѣтрилахъ къ ошечественному брегу,
 я переходилъ ошъ народа къ народу, ошъ поколенія
 къ поколенію; слѣдовалъ за побѣдами шо сихъ, шо
 ихъ; спранствовалъ изъ древняго Вавилона къ пре-
 словушымъ Оивамъ и въ ученые Аѣнны, изъ брашноно-
 сной Спаршы къ гордымъ снѣнамъ Ромулова града,
 ошъ падшей Канишолѣи въ пышную Константинову
 сшоллицу, а ошшуда къ мудрымъ Гиперборейцамъ, къ
 мужественнымъ Риеашамъ; ко оному доблестивенному
 Славянъ племени, кошорое владычествовало надъ стра-
 нами лежащими между льдисныхъ горъ севѣра и подне-
 бесныхъ хребтовъ Кавказа; надъ странами, кои просши-
 рались ошъ волнь Варяжскаго моря до пучинъ Евксин-
 скихъ, ошъ безднъ Хвалыскихъ и до водъ Адриатиче-
 скаго Понна. Здѣсь потомки Мосоховы Кій, Щехъ и
 Хоревъ созидають перввопресшольный градъ у быспро-
 шечнаго Днепра; тамъ другое колено Славянъ возлюбя
 мѣста покоющагося Илменя и тихія спруи Волхова
 зиждеть Славенскъ, изъ развалинь коего возникъ вели-
 кій Новградъ. Ешшли вѣришь Ишторѣи, шо сія знамени-
 ная полнощнаго края эпоха была въ началѣ шестой
 эпохи мѣра, въ шѣ едва памятные годы, когда еще
 дымилась остатки сокрушеннаго Илѣона, когда бли-
 спалъ на поверхности земной новосооруженный Соло-
 мономъ Храмъ, и когда еще ни власшвовавшій надъ вселен-

ною Римъ, ни храбрая соперница его Кароленга даже и причинъ къ произхожденію своему не имѣла (*). Разсѣвася иракъ времени; уже начинаютъ являться на поприщѣ славы Россійскіе Ирои; подобно дневному свѣтилу изъ облакъ выкапавшемуся они сіяють въ вѣкахъ прешедшихъ. Но кто, но кто воспѣлъ дѣла ихъ? Гдѣ твои пѣсни Скальды давныхъ лѣтъ Россіи, славный въ преданіяхъ Бояръ? гдѣ памятники сихъ безсмертныхъ основателей отечества? ужели Ирои сѣи, равно древамъ пустыннымъ, бросающимъ тѣнь свою на одни лишь хладныя камни? ужели должны пребыть они на всегда сокрытыми въ листахъ дѣписаній? и пылающее око юноши не вспленилось лихъ благороднымъ изрядствомъ? и рыцарскій духъ его не возпламенился огнемъ ихъ доблести? О! Слава! кумиръ великихъ сердецъ! И ты о нихъ безмолвствуешь! между тѣмъ какъ любосластный и запальчивый юноша превознесенъ богами вдохновеннымъ Омвромъ, а недостойному бѣглецу бряцала въ честь Маншуанская громкая лира! Ты проповѣдуешь токмо о дерзостныхъ сынахъ щастія, истинное же достоинство оставляешь безвѣстнымъ.

Такъ я сѣновалъ, и предавшись сему размышленію не примѣтила какъ черная тѣнь лѣсовъ разпростерлась

(*) Славянскъ построенъ въ 3099 году отъ сотворенія Міра, за 2404 годъ до Рождества Христова. Сморгъ: подробную лѣтопись отъ начала Россіи до Полтавской побѣды, изданную въ 1798 году, Н. А.